

Явным свидетельством этого является то, что глаза у античных статуй, отражающие «свет души», незнакомы античным скульпторам. Вместо глаза зачастую оставалась пустая глазница или вставлялся полудрагоценный камень. Наоборот, возрожденческая скульптура прекрасна как в выражении тончайшей пластики человеческого тела, так и в передаче сложнейшей палитры человеческой эмоциональности. Внимание к индивидуальности (именно к лицу, а не лику!) отличает искусство Возрождения и от своего более молодого предшественника – средневековья. Портрет, в отличие от иконы, актуализирует не только всеобщее, типическое, но и личностное, индивидуальное. Портрет – это Я!

Использованная литература:

1. Гуревич, А.Я. Избранные труды: в 2 т. /А.Я. Гуревич. – М. – СПб: Университетская книга, 1999. – Т. 2: Средневековый мир. – 560 с.
2. Перкис, Джон. Греческая цивилизация / Джон Перкис. – М.: Фаир-Пресс, 2000. – 263 с.
3. Ильина, Т.В. История Искусств. Западно-европейское искусство / Т.В. Ильина. – 3-е изд. перер.и. доп. – М.: Высшая школа, 2000. – 336 с.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ, ЛИТВЫ И ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В 30–40-х гг. XIX в.

Лепеш О.В., кандидат исторических наук, доцент

После восстания 1830–1831 гг. для выработки общегосударственных мероприятий по отношению к территории Беларуси, Литвы и Правобережной Украины с целью унификации этих земель с внутренними губерниями Российской империи 16 сентября 1831 г. в Санкт-Петербурге был создан Комитет западных губерний. В компетенцию данного Комитета входило разрешение сословного, законодательного, образовательного, а также религиозного вопросов. В 30–40-х гг. XIX в. государственной идеологией становится теория «официальной народности», в основе которой лежала триада «Православие. Самодержавие. Народность». Именно тогда российскими властями была сделана ставка на укрепление православия, особенно в западных губерниях, где оно до 1839 г. не было религией основ-

ной массы местных жителей. Исторически сложившееся положение правительство намеревалось исправить путём ослабления позиций католического костёла и увеличения числа православного населения в результате слияния униатской и православной церквей.

Непосредственным поводом для наступления на католическую церковь стал факт участия части её духовенства в восстании 1830–1831 гг. На территории Беларуси и Литвы численность католического духовенства, участвовавшего в событиях 1830–1831 гг., достигала 4,5% от их общего количества [1, с. 127], а на Правобережной Украине – 1,2% [2, с. 162-163]. Тем не менее, большинство из представителей римско-католического духовенства не приняли участия в восстании либо оказали ему пассивную поддержку. Они не желали участвовать в кровопролитии по нравственным соображениям, а также боялись потерять влиятельное положение в обществе и дать лишний повод российским властям предпринять против них ряд репрессивных мер. Определенно, главной проблемой для высшего католического клира была забота о сохранении земельных наделов с находившимися на них крепостными крестьянами.

Однако участие даже части католического духовенства (в основном низших и средних слоев) в шляхетском восстании усилило подозрительность российского правительства, которое стало смотреть на ксендзов-католиков как на движущую силу мятежного польского национализма. Поэтому власти начали проводить политику, направленную на лишение католической церкви лидирующего положения. Уже 19 июля 1832 г. был издан указ «Об упразднении некоторых римско-католических монастырей» [11, № 5506]. Официальной причиной закрытия монастырей объявлялось отсутствие установленного каноническими правилами числа монахов. 6 августа 1832 г. император распорядился упразднить по Витебской и Могилёвской губерниям 37 неукомплектованных католических монастырей. Из них 19 преобразовывались в приходские и филиальные, 11 подлежали закрытию и 7 были обращены в православные церкви [9, л. 46-46 об.]. В целом же по всем западным губерниям по указу от 19 июля 1832 г. был упразднен 191 католический монастырь из 304 [3, с. 112]. Материальный эффект от этой реформы получился внушительным: государство приобрело 13098 крепостных и 232623 рублей серебром [5, с. 170]. Мероприятия властей по сокращению монастырей и костёлов католической церкви продолжались и в 40–

50-х гг. XIX в. Упразднённые духовные институты передавались в своём большинстве в православное или военное ведомство.

Следует отметить, что Комитет западных губерний достаточно осторожно подходил к вопросам преобразования католических костёлов в православные церкви. Если в католических монастырях члены Комитета видели «дух религиозного и сопряжённого с оным политического фанатизма, отчуждающего поляков от русского» [13, л. 114] и были готовы ликвидировать многие из них, то костёлы они считали духовными и просветительскими центрами для многочисленного католического населения западных губерний. В 1833 г. на одном из заседаний Комитета рассматривалось дело об обращении в православную церковь костёла в имении Гранов, конфискованного у А. Чарторыйского [14, л. 112–115]. Члены Комитета подошли к решению этой проблемы очень ответственно. Было проведено статистическое исследование по вероисповеданию жителей имения. Оказалось, что в данном приходе число католиков в два раза превышало число исповедовавших православие (2500 католиков и 1286 православных). Учитывая этот факт, Комитет пришёл к выводу, что столь значительное количество людей не может остаться без костёла, поэтому проект о преобразовании Грановского костёла в церковь был отклонён.

Российское правительство в целях обеспечения гражданского спокойствия требовало от католического духовенства, определяемого в настоятели церквей и монастырей, а также в члены консистории в качестве депутатов, присяги на верность [11, № 5319]. По решению Комитета западных губерний католические епархиальные начальники должны были ежегодно доставлять местным гражданским губернаторам списки всех духовных лиц их ведомства, а также давать сведения обо всех принимаемых в семинарии клириках [11, № 5773]. В 1831, 1832 и 1835 гг. католическому духовенству запрещалось переезжать с места на место без разрешения своего руководства [21, с. 66]. С 1835–1836 гг. власти запретили служебным лицам костёлов вести публично проповеди на польском языке без предварительной цензуры [10, л. 2-3]. В учебных заведениях католическому духовенству не позволялось преподавать закон Божий униатам [8, л. 31].

В то же время российское правительство всячески пыталось подержать государственную религию в западных губерниях, прежде

всего, путём возведения новых церквей. В 1831 г. на заседании Комитета рассматривался доклад А.М. Голицына о роли православия в западных губерниях. По мнению докладчика, церкви в западной части империи «представляют одни развалины деревянных строений», а «духовенство православное находится в величественной бедности ... и зависит от владельцев селений – католиков» [13, л. 105]. Первостепенный и основной способ поднять престиж православия, как считали члены Комитета западных губерний, заключался в расширении строительства хороших православных храмов, «ибо простой народ скорее всего увлекается наружностью» [13, л. 105 об.-106]. Комитет постановил: воздвигать повсеместно православные церкви, как на государственных землях, так и в частных владениях. Финансирование строительства подобных культовых сооружений на казённых землях брало на себя государство, а в частных имениях их возведение полностью ложилось на плечи местных помещиков. Единственным средством к побуждению учреждать такие церкви в частных владениях была лишь сила убеждения. Однако местные дворяне, в большинстве своём католики, не хотели тратить денежные средства на строительство чуждых для них православных храмов, а сила убеждения на них никак не действовала. Указ императора от 19 ноября 1832 г. об обязательствах владельцев строить и ремонтировать как униатские, так и православные церкви вызывал у них негодование. Например, в 1832 г. помещик Минской губернии Устин Ширин в ответ на требование местных властей привести в порядок находившиеся в его имении постройки православных культовых зданий подал заседателю Лабунцову заявление. В нём Устин Ширин утверждал, что воспринимает эти распоряжения губернского начальства как действия, недозволенные законом [7, л. 6]. К 1847 г. ситуация по поводу ремонта и возведения новых православных церквей в Минской губернии не изменилась. Минский архиепископ Антоний писал, что эта работа «производится почти всегда с великим затруднением и медленностью» [13, л. 68]. Для ее ускорения священник предлагал даже собрать деньги с крестьян: по 15 копеек серебром в год с каждой души мужского пола [13, л. 68 об.]. Примерно такая же обстановка относительно реконструкции униатских и православных церквей наблюдалась и в других белорусских губерниях. В 1835 г. к губернатору Могилевской губернии поступила просьба отсвященнослужителей привлечь ме-

стное дворянство если не к возведению, то хотя бы к реставрации униатских церквей и приданию им первоначального вида как внутри, так и снаружи [4, с. 102]. Униатский священник Плакид Янковский отмечал, что «униатские церкви, сохраняя одно только наименование греко-униатских, даже утварью более были приспособлены к римскому богослужению» [22, с. 274]. По подсчётам Иосифа Семашко, в 1832 г. из 800 униатских церквей Литовской епархии только 80 были с иконостасами, остальные же имели вид католических костёлов [19, с. 88]. В 1834 г. в письме к генерал-губернатору Смоленской, Витебской и Могилёвской губернии Н.Н. Хованскому Полоцкий православный епископ Смарагд давал неутешительные прогнозы по поводу «приведения» православной церкви и духовенства в надлежащее состояние. Основными препятствиями на этом пути Смарагд считал отсутствие средств и противодействие местного католического дворянства [20, с. 429].

Строительство православных церквей на государственных землях осуществлялось более динамично. Ещё в 1833 г. император распорядился сооружать такие церкви в Киевской, Волынской, Подольской и Минской губерниях, для чего отпускалась сумма по 150 тыс. рублей в год. Строительство планировалось на 12–20 лет, в год планировалось воздвигать по 2 церкви. Первоначально Святейший Синод предполагал построить 8 церквей в Подольской губернии, 3 – в Киевской, 8 – в Волынской и 2 – в Минской. Для руководства строительством церквей учреждались особые временные комитеты [11, т. XIII, отд. 1, № 11019]. После образования Министерства государственных имуществ на него легли проблемы сооружения церквей, а также надзор за пресечением всяких преступлений против православия в казённых имениях [11, т. XIII, отд. 1, № 11189]. В 1846 г. по именному указу императора Министерство государственных имуществ должно было в западных губерниях отреставрировать 496 и соорудить 99 новых православных церквей [11, т. XXI, отд. 1, № 19910].

Более категорично российское правительство действовало при решении вопросов о взаимоотношениях католической церкви и крестьян. Ещё в 1836 г. вышел указ, который запрещал иноверному духовенству (в том числе и католическому) иметь «в услужении» людей православного исповедания [11, т. XX, отд. 2, № 9770а]. В 1838 г. киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков предлагал Комитету за-

падных губерний ещё раз обратиться к теме ограничения владения крепостными католическим духовным лицам. Д.Г. Бибиков считал, что по отношению к католическому духовенству необходимо было выработать ряд мер, которые бы сдерживали всякое жестокое обращение с крестьянами. Например, за безжалостное обращение с православными крепостными помещика-католика ждало уголовное наказание, его имение бралось под опеку [6, л. 348]. В соответствии с этим предложением было решено запретить католическому духовенству подвергать крестьян телесному наказанию. При неповиновении последних духовенство должно было прибегать «к убеждениям и коротким вразумлениям», а при упорном неповиновении – обращаться в местные земские и городские полицейские управления. В случае получения крестьянином увечья виновные духовные лица предавались суду или же отстранялись от управления имениями и не допускались к такому виду деятельности ни в каком другом месте. Нужно отметить, что император безоговорочно одобрил постановление Комитета и даже разрешил генерал-губернаторам назначать особых чиновников для наблюдения за церковными крестьянами [15, л.173-177]. Распоряжение императора вышло в виде именного указа от 24 января 1839 г. [11, т. XIV, отд. 1, № 11954].

Важным шагом правительства было проведение в 1841–1843 гг. секуляризации части церковных земель. Эту идею подал киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибиков. Ещё в 1839 г. он предлагал Комитету передать в казённое управление имения католического духовенства [16, л.83-84об.]. В этом же году с подобным предложением обращался к императору и министр государственных имуществ П.Д. Киселёв. Правда, П.Д. Киселёв был сторонником секуляризации владений как католической, так и православной церковью. Министр, считавший духовенство нелегитимным собственником, предполагал провести изъятие церковных земель, исходя из прусского и австрийского опыта. Император Николай I даже создал в связи с этим специальный Комитет по духовным имениям, журнал первого заседания которого был обсуждён в Комитете западных губерний 31 мая 1840 г. Комитет западных губерний постановил: «Совершенно правильно заключение Комитета о необходимости, не касаясь различия религии, распространять меру отобрания населённых имений на духовенство всех вообще исповеданий, дабы устранить тем всякое сомнение насчёт беспристрастия в действиях пра-

вительства» [17, л.235об.]. 21 июня 1840 г. император утвердил это постановление Комитета западных губерний и велел исполнить проект секуляризации через год после обнародования указа о введении российского законодательства.

Указы о передаче в казну церковных имений были изданы 25 декабря 1841 г. Первый указ касался православного духовенства, в соответствии с ним конфисковывались земли православных архиерейских домов и монастырей [11, т. XVI, отд. 2, № 15152]. Второй указ относился к иноверному духовенству: все его недвижимые имения передавались в ведение и управление Министерства государственных имуществ, за исключением имений, находящихся во владении приходского белого духовенства, не принадлежавшего к высшей иерархии и монашеству [11, т. XVI, отд. 2, № 15153]. В итоге в западных губерниях было конфисковано 516 церковных имений с 101536 душами крестьян мужского пола [3, с.113]. В частности, в 1840 г. по четырём православным епархиям (Литовская, Минская, Могилёвская, Полоцкая) из 3094 церквей упразднилось 697 единиц, а в 1850 г. из 2867 церквей подлежало закрытию 608 [12, с.23]. 20 июля 1842 г. было утверждено Положение об обеспечении православного сельского духовенства землями, домами и единовременными пособиями [11, т. XVII, отд. 1, № 15872]. В 1843 г. в казну поступали земли приходов католической, а также православной церквей, если это были имения вакантных приходов или отданные в аренду. В случае невозможности отвести духовенству угодий взамен принятых от них имений им назначалось денежное вознаграждение [18, л. 200]. Если монастыри вовсе не имели имений, то им отводило государство по 30 десятин земли, по 1 мельнице и рыбной ловле. Причём такое «пособие» получали как православные, так и католические монастыри. Например, в 1847 г. по западным губерниям числилось 17 римско-католических монастырей, которые не предоставили государству земельных наделов по причине их отсутствия. Комитет западных губерний поручил Министерству государственных имуществ наделить их землёй [18, л. 201 об.- 203об.].

Комитет западных губерний не занимался вплотную проектом по ликвидации униатства, поскольку в 1835 г. был создан Секретный комитет для рассмотрения мер по униатским делам. Однако по проблеме перевода униатов в православие Комитет придерживался той мысли, что осуществлять такую кардинальную реформу нужно по-

степенно, проведя соответствующую подготовку. Как известно, благодаря деятельности таких сторонников перевода униатов в православие, как Иосиф Семашко, Василий Лужинский, Антоний Зубко и др. в мае 1839 г. произошло упразднение униатской церкви и слияние ее с православной [11, т. XIV, отд. 1, № 12467; 204, с.12]. Всего из униатства в православие было переведено в 1839 г. в Беларуси около 1,5 млн. человек. Бывшее униатское духовенство указом от 18 октября 1839 г. уравнивалось в правах с православными; ряд дел, касавшихся «сращения и отступничества» от православия в унию, прекращался [11, т. XIV, отд. 1, № 12816].

После 1839 г. правительство следило за тем, чтобы за православием сохранялся статус титульной религии. Поэтому особенное негодование у властей вызывали случаи перехода из православия в католицизм. В 1840 г., согласно сенатскому указу, дела «по предмету сращения из православия в латинство» должны были решаться безотлагательно. Виновные духовные лица предавались суду не католических консисторий, а уголовному суду, поскольку они обвинялись в нарушении государственных законов [11, т. XV, отд. 1, № 13116]. Изменение веры в сторону католицизма представителем высшего сословия, имевшего крепостных православного вероисповедания, грозило ему лишением имения [11, т. XV, отд. 1, № 13280а].

Таким образом, российское правительство в решении религиозного вопроса стояло на позициях укрепления официальной государственной религии (православия) в Беларуси, Литве и Правобережной Украине. В связи с этим была разработана программа по скорейшему сооружению новых православных церквей с привлечением как государственных, так и частных капиталов. Однако строительство шло крайне медленно, поскольку местные дворяне в своем большинстве являлись католиками и не были заинтересованы в возведении православных храмов.

Комитет западных губерний проявлял веротерпимость к католической церкви и не был сторонником радикального сокращения костёлов, поскольку значительная часть населения исповедовала католицизм. В целом, самодержавие по отношению как к православной, так и к католической церкви предпринимало меры, направленные на секуляризацию церковных земель с целью подчинения церкви государственной власти.

Использованная литература

1. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск: БДУ, 2001. – 186 с.
2. Дьяков, В.А. Социальный состав польского восстания 1830–1831 гг. / В.А. Дьяков, В.Н. Зайцева, Л.А. Обушенкова // Историко-социологические исследования (На материалах славянских стран): сб. ст.; редкол.: В.А. Дьяков [и др.]. – М.: Наука, 1970. – С. 19-168.
3. Зинченко, А.Л. Реформа государственной деревни и секуляризация церковного землевладения в западных губерниях Российской империи / А.Л. Зинченко // Исторические записки. – М.: Наука, 1985. – Т. 112. – С. 115-117.
4. Лужинский, В. Записки В. Лужинского, архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. – Казань: Тип. императорского ун-та, 1885. – 310 с.
5. Лыкошина, Л.С. Духовенство Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины и польское восстание 1830–1831 гг. / Л.С. Лыкошина // Проблемы новой и новейшей истории: сб. ст. / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ист. фак-т, Кафедра новой и новейшей истории; отв. ред.: Е.Ф. Язьков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – С. 155-171.
6. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 299. Минское губернское правление. – Оп. 1. – Д. 806. Протоколы заседания правления за февраль 1831 г.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 320. Минский губернский предводитель дворянства. – Оп. 1. – Д. 162. Переписка с уездными предводителями дворянства о ремонте церковей владельцами имений.
8. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилёвского и Смоленского. – Оп. 1. – Д. 7764. О запрещении римско-католическому духовенству преподавать закон Божий в учебных заведениях Беларуси.
9. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилёвского и Смоленского. – Оп. 1. – Д. 7884. Отчёт генерал-губернатора за 1832, 1833 гг.
10. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилёвского и Смоленского. – Оп. 1. – Д. 9764. О запрещении светским людям говорить публично на польском языке.
11. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание

второе: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел., 1830–1884 гг.

12. Преображенский, И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 гг. по 1890–1891 гг. / И. Преображенский.— СПб.: Тип. Э. Эрнгольда, 1897. – 236 с.

13. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 8. Журнал Комитета западных губерний за 1831 г.

14. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 12. Журнал Комитета западных губерний 1833 г.

15. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 22. Журнал Комитета западных губерний 1838 г.

16. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 24. Журнал Комитета западных губерний 1839 г.

17. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 26. Журнал Комитета западных губерний 1840 г.

18. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 36. Журналы Комитета западных губерний 1845, 1846, 1847 и 1848 гг.

19. Семашко, И. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской академией наук по завещанию автора: в 3 т. / И. Семашко. — СПб.: Тип. импер. АН, 1883. – Т. 1. – 745 с.

20. Смарагд. Письма епископа Полоцкого Смарагда к князю Н.Н. Хованскому, генерал-губернатору Смоленскому, Витебскому и Могилёвскому // Русский архив. – 1891. – Кн. 8. – С. 427-440.

21. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772-1860: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Н. Филатова. – Минск: 2001. – 159 с.

22. Янковский, П. Записки сельского священника / П. Янковский. – Минск: Свято-Петрово-Павловский собор, 2004. – 380 с.